

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 821.161.1
ББК 82.3(2=411.2)-6
DOI 10.18522/1995-0640-2023-1-10-22

«АНТИКОЛЫБЕЛЬНАЯ» А. П. ЧЕХОВА «СПАТЬ ХОЧЕТСЯ»

Ирина Николаевна Райкова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен взгляд фольклориста на известный рассказ А.П. Чехова «Спать хочется», раскрыт его фольклорно-этнографический контекст, его глубинная связь с автобиографическими меморатами подросших девочек-нянь о своем опыте, традицией фольклорной колыбельной песни, в частности так называемых «смертных» колыбельных. Анализ еще раз подтверждает особый, неявный фольклоризм как свойство поэтики творчества писателя. Рассказ представлен как художественная имитация неудачной колыбельной песни.

Ключевые слова: Чехов, рассказ, фольклоризм литературы, девочки-няни, колыбельная песня, смерть, сон

Для цитирования: Райкова И.Н. «Антиколыбельная» А.П.Чехова «Спать хочется» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 10 – 22.

Original article

“ANTI-LULLABY” BY A.P. CHEKHOV “I WANT TO SLEEP”

Irina N. Raikova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article presents the folklorist's view of the famous story by A.P. Chekhov “I want to Sleep” (1988), reveals his biographical and folklore-ethnographic contexts, shows his connection with the social institute of nanny girls and autobiographical memoirs about this experience. Special attention is paid to the deep connection of the story with the tradition of a lullaby, common motifs and images of the author's work and folklore songs are revealed, the so-called “mortal” lullabies – songs with a wish for the imminent death of the baby, the image of his funeral. If in the “mortal” lullabies death was replaced by sleep, then in the story “I want to sleep” the young nurse replaced the baby's sleep with his death, setting such an incredibly high price for the opportunity to sleep soundly. It is suggested that the “mortal” lullabies, having arisen as a magical act of deceiving death, were distributed, supported among hired nannies, responding to their soulful requests. On the other hand, it is concluded that the descriptions of funerals and commemorations are smoothly logically and poetically summed

up by adult threats addressed to a child, including deadly ones. A modern parody version of the “scary” lullaby is presented. The analysis once again confirms the special, implicit folklorism as a property of the poetics of the writer’s creativity. Chekhov’s story is presented as an artistic imitation of an unsuccessful lullaby.

Key words: *Chekhov, short story, folklore literature, babysitter girls, lullaby, death, sleep*

For citation: *Raikova I.N. “Anti-Lullaby” by A.P. Chekhov “I Want to Sleep” // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. T. 27. № 1. P. 10 – 22.*

Введение

Долгое время Чехов считался «нефольклорным» писателем. Работы Д.Н. Медриша, М.Ч. Ларионовой [Медриш, 1978; 1980; Ларионова, 2006; 2006а] это опровергли. Однако фольклоризм творчества Чехова неявный, он не сводится к заимствованиям из фольклора, цитированию фольклорных текстов, прямому обращению к фольклорной традиции или явным откликам на нее. Д.Н. Медриш, а затем М.Ч. Ларионова обратили внимание на такое сложное взаимоотношение литературы и фольклора, народной культуры, такие глубинные пласты, когда, не вступая с литературой в прямые контакты, фольклорные элементы становятся своего рода ферментами по отношению к литературному процессу и стилю писателя. Думается, рассказ «Спать хочется» должен быть рассмотрен именно в таком ракурсе.

Исследование и его результаты

Этот рассказ Чехов написал в 1888 г., на время отложив работу над повестью «Степь». В письме к издателю А.Н. Плещееву он с присущей ему самоиронией сообщил, что пишет еще один русский «плохенький рассказец», на который «потребовалось не больше полудня» [Чехов, 1962, с. 492]. Так – наскоро, на одном дыхании – он создал один из своих шедевров, покоровший современников, заставляющий ужасаться и спорить потомков, высоко оцененный Львом Толстым (он ставил рассказ на первое место из всей малой прозы Чехова), переведенный на несколько языков, даже породивший подражания. Без преувеличения можно сказать, что именно этот рассказ во многом определил тот «общий вектор исканий русской словесности, вставшей на защиту детства от безвинных страданий, от равнодушия...», о котором, в частности, пишет Н.А. Дворяшина в монографии [Дворяшина, 2018, с. 62].

В ряду многих рассказов Чехова о детях («Детвора», «Ванька», «Событие», «Кухарка женится», «Беглец», «Дома», «Гриша», «Мальчишки» и др.), с одной стороны, и на тему смерти – с другой, он, на наш взгляд, самый пронзительный, так как эти темы, сочетание которых кажется противоестественным (ребенок стоит в начале жизненного пути), здесь сочетаются, причем ребенок погибает от руки другого ребенка.

Интересно, что образ ребенка, лишённого детства, постоянно страдающего от недосыпа, автобиографичен в случае Чехова: суровые методы воспитания отца, необходимость, помимо учебы в гимназии, работать в лавке и помогать по дому, частые «побудки» ночью для спевок в хоре, который

организовал отец, чтение в храме на клиросе ни свет ни заря заставляли Антона, его четверых братьев и сестру чувствовать себя «маленькими каторжниками» [Кузичева, 2012, с. 8]. Чего стоят его фразы в заметках разных лет и письмах, адресованных брату: «*В детстве у меня не было детства*»; «*Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать*»; «*Детство отравлено у нас ужасами...*»; «*Я терпеть не могу, когда кричат дети...*» (и в рассказе несмолкаемый крик младенца донимал юную героиню); «*Меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки как нечто непривычное, еще мало пережитое*» [Антон Чехов, 2017, с. 5–6; Кузичева, 2012, с. 7–8]. Биограф писателя А.П. Кузичева отмечает, что ни у кого из младших Чеховых не было в детстве своего угла, Антон Павлович не рассказывал о семейных праздниках, не любил свой день рождения [Кузичева, 2012, с. 8]. В то же время 1888 г. выдался трудным для 28-летнего писателя: проблемы с братьями и родителями, начинающаяся болезнь, необходимость много работать. Недаром именно в этом году он напишет и о своей смерти: «*Смертного часа нам не миновать, жить еще придется недолго, а потому я не придаю серьезного значения ни своей литературе, ни своему имени...*» [Кузичева, 1996, с. 26].

Однако еще более плотно, чем в биографический, рассказ «Спать хочется», как нам видится, вписан в фольклорно-этнографический контекст.

Прежде всего, в нем глубоко, психологически тонко показан феномен социального института девочек-нянь, существовавший в крестьянской среде вплоть до середины XX в. Повествование Чехова перекликается с отражением этого феномена в устной повествовательной традиции, которое фольклористы фиксируют до сих пор.

В многодетных семьях «догляд» старших детей за младшими был суровой необходимостью, ведь родители много и тяжело работали в поле. Поэтому девочка-подросток зачастую, уже лет с 8, становилась няней для своих младших сестер и братьев, наряду с другими занятиями по дому. В этом была особая необходимость, если рядом не было бабушки, или (более мягкий вариант) эти обязанности разделялись между старой бабушкой (прабабушкой) и сестрой. Помимо укачивания младенца, юная нянька могла сама перепеленать его, покормить из рожка, успокоить плачущего малыша, развлечь его песнями, пестушками, потешками, прибаутками.

Лет в 10–15 девочку могли отдать в наём – в няньки (пестуньи) к детям более зажиточных родственников или чужих людей. Это могло быть сезонной работой на период летней страды. Иногда с няней расплачивались продуктами, отрезами ткани, некоторые же девочки просто работали за еду и крышу над головой. Нередко девочка была няней и прислугой в одном лице: «*И полы мыла, и посуда моя была, и с ребятишками сиди!*» (зап. от жен., 1921 г.р., Владимирская обл.) [Райкова, 2006, с. 77]. Так и в чеховском рассказе: Варьке, помимо того, что на ней полностью уход за ребенком (мать берет его только покормить грудью), хозяйева поручают почистить обувь, поставить самовар, пойти в магазин (причем отправляют 13-летнюю девочку за алкоголем), помыть лестницу, убрать в комнате, зашить, постирать, начистить картошки и т.п. [Чехов, 1962, с. 13–14].

От выросших нянь фольклористы записывают наиболее богатый репертуар детского фольклора, а также эмоциональные рассказы о прошлом, воспроизводящие бытовой и исторический контекст функционирования фольклора, но и самоценные как тексты устной семейной истории, как насыщенные деталями стихийно-художественные нарративы о детстве. На основании их можно сказать, что не всегда пестование малышей воспринималось юными нянями как тяжелый подневольный труд. По нашим полевым записям во Владимирской области, няни, у которых с подопечными небольшая разница в возрасте, впоследствии становились им друзьями. Так, наша информантка, в прошлом 8-летняя няня, подтрунивала над своей воспитанницей: *«Уж мы работали на свёкле (в колхозе. – И.Р.), а я ей скажу: “Ой, ой! Какая ты была зёвласта! 1” <...> Мы ее катаем, 2 катаем, катаем, никак ее не уймёшь. Ой, батюшки! Хлеба нажуёшь, в марлю завяжешь и ей в рот сунешь»* (зап. от жен., 1921 г.р., Владимирская обл.) [Райкова, 2006, с. 77–78].

Но случались и коллизии, и своего рода «конфликт интересов», ведь няня – сама ребенок или подросток, и ей больше хотелось играть и общаться со сверстниками, чем укачивать младенца. Выросшие няни выражают чувство обиды, горечи, вспоминают о физической усталости, том же постоянном желании спать, как в рассказе Чехова, определившем его заглавие, а главное – о том, что они как бы себе не принадлежали, не успевали сами побыть детьми, были будто связаны ребенком по рукам и ногам. *«А мне хочется на улицу гулять. Я к зыбке привязала верёвку, окошко открыла, вышла на улицу – тут девчонки “в царицу” играют. <...> И мне хочется “в царицу”! Я верёвку-то дёрг! Раскачала. Верёвка перетёрлась. <...> Он вместе с зыбкой в огород, это, вылетел...»* (зап. от жен., 1929 г.р., Владимирская обл.) [Райкова, 2006, с. 77]. *«Она (тетка рассказчицы. – И.Р.) ушла, там где-то косит в лесу. Они (младенцы-племянники. – И.Р.) так мне надоели! Я их погрузила в люльку, простынь сверху закрутила, чтобы они не вылезли, и пошла. <...>. Резинку вот так подтянула – и к опушке лесом...»* (зап. от жен., 1941 г.р., Владимирская обл.) [Там же, с. 78].

Подобные нарративы фольклористы записывают во многих регионах России. В тексте, любезно предоставленном нам А.Д. Цветковой из ее личного архива (зап. от жен., 1928 г.р., Нижегородская обл.), рассказчица вспоминает о тяготах работы нянкой с 6-летнего возраста: *«Отец умер, мне было 6 лет с половиной. Забрали меня дедушко с бабушкой, родители материны. У них крестная Аксинья замужем жила первый год. У них был ребенок, жили вместе они. Они меня взяли: “Хоть качать люльку будет”. <...> Тут я и сидела. Я возьму его на руки, не смогаю, упаду. А то уйду в лес, забуду, что нянчить надо. Как приду домой, меня ругают* (здесь и далее в цитатах выделено мной. – И. Р.) *<...>. Положу под голову тряпку, лежу, читаю “Богородицу”. Они спрашивают: “Что ты шепчешь?”. А я молчу. А потом летом на чердак заберусь и лягу возле трубы. Года 4 я у них нянчила. Они уйдут на работу, Сашенька побольше был уже, спокойный. А я кукол наделаю, играю, задремаю, лягу спать под зыбкой»* [ПМЦ].

Е.А Самоделова отмечает, что на Рязанщине и мальчишки-подростки были нянями, но в чужие семьи не нанимались [Самоделова, 2019, т. 1, с. 307], и, помимо полевых записей, приводит интересные фрагменты из мемуаров

историка С.Д. Яхонтова (1853 г.р.) о том, как он в детстве без всякой охоты отбывал эту «повинность» [там же, с. 308].

Такое же противоречие между потребностями, желаниями младенца и девочки-няни, которое усиливалось как снежный ком и в конце концов привело к трагедии, изображает в рассказе Чехов, начиная с фраз: *«Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но всё еще кричит и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит»* [Чехов, 1962, с. 10].

Наиболее глубоки связи чеховского рассказа с традицией колыбельных песен – жанра, который ребенок воспринимает самым первым, только появляясь на свет, еще до освоения родной речи. Жанр древний, порожденный прикладной функцией, но заключающий в себе много большее – магический, заклинательный потенциал (апотропейный, продуцирующий) и в то же время стихийно, выражающий переживания, тревоги, насущные потребности, иронию поющей (мамы, бабушки, няни).

В рассказе Чехова есть прямая цитация фольклорного текста – нянька Варя поет ребенку колыбельную, автор 5 раз цитирует по 2 стиха: *«Баю-баюшки-баю, / А я песенку спою...»* [Чехов, 1962, с. 10]; *«– Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – тебе каши наварю...»* [там же] и т. д., вплоть до: *«– Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – а я песенку спою... А ребенок кричит и изнемогает от крика»* [там же, с. 15]. Хотя действие рассказа происходит в течение суток, но это не разные, а одна нескончаемая песня, прерываемая дремотой, другими делами, которые девочку заставляют делать... Песня возобновляется, так как не достигает эффекта: ребенок не засыпает, его плач тоже нескончаем, он только усиливается. В традиции, если ребенок быстро засыпает, достаточно спеть короткую песенку. У Чехова же няня и подопечный не приходят к согласию, их плач и пение – «псевдиалог» или неудавшийся дуэт. (Известно, что многие чеховские герои друг друга как будто не слышат). Интересно, что писатель вкладывает в уста героини песню о песне. Варька поет именно о том, как она поет, и в этом много смысловых нюансов: она вынуждена петь, а не сладко спать, она споет еще, потому что ничего не получается... Песня о песне – рефлексия жанра, как сказка о сказке, загадка о загадке, пословица о пословице.

Как и в народной традиции, усыпляюще действуют не только текст песенки и монотонная мелодия, но и ритмичные шумы, скрипы, сопровождающие покачивание: *«Колыбель жалобно скрипит, сама Варька мурлычет – и всё это сливается в ночную, убаюкивающую музыку, которую так сладко слушать, когда ложишься в постель. Теперь же эта музыка только раздражает и гнетет, потому что она вгоняет в дремоту, а спать нельзя...»* [Чехов, 1962, с. 10-11]. У Чехова этот убаюкивающий комплекс действует, увы, на саму няньку.

Интересно, что писатель по отношению к пению колыбельной несколько раз употребляет глагол «мурлыкать», что порождает ассоциацию с «котиком-котом», одним из главных персонажей фольклорных колыбельных, которого в песне тоже нанимают к ребенку *«ночевать, нашу детоньку качать»*. Сам являясь олицетворением долгого, спокойного сна, котик должен

по принципу симильной магии благотворно повлиять на младенца. В некоторых колыбельных он выступает почти как чудесный помощник, раздающий сны-подарки: «Много сну приволок: / Целый малый коробок / Клал во зыбку, в уголок» [Лойтер, 2013, с. 55].

В чеховском рассказе отражены и многие более явные мотивы русских колыбельных песен, как устойчивые, так и редкие.

- Некому нянчиться:

*Спи-ко, дитятко,
С тобой некому водиться:
Нету тетушек родных,
Да нету бабок желанных [там же, с. 80].*
*Мни-ко байкать недосуг,
Боле некому качнуть:
Нету бабушки родной,
Нет пестуньи нанятой [там же].*

- Есть только нанятая нянька (пестунья):

*Нянька любит качку,
Пестунья – подачку.
Дитя любит рожок,
А пестунья – пирожок [Там же, с. 83].*
*Я качаю – не ленюсь,
За работой не гонюсь,³
К Грише в нянечки наймусь.
Я недорого беру <...>
Да я руб на денёк,
К ужну (ужину) белого крошóк [там же, с. 87].*
*Я качаю день и ночь,
А не знаю – сын или дочь. <...>
Ежель знала бы – сынок,
Прокачала бы годок [там же, с. 82].*

Нянька Варя у Чехова тоже, наверное, не знает и пола младенца, как и читатель: в рассказе он не определен по полу. А к концу повествования, в ее состоянии умственного помрачения, он и вовсе представляется некой обезличенной враждебной силой.

- Физически тяжело качать, света белого не видишь:

*День скоротитсе,
Взад не воротитсе.
Что за свет на улушки,
Там гуляют курушки. <...>
Я качала день и ночь,
У меня отпали ручки прочь... [Там же, с. 86].*

- Вырастешь – не дадут выспаться:

*Спи, дитя, не унывай.
Когда вырастешь большой,*

*Не дозволят тебе спать,
На работу будут слать.
Скажут: «Доченька, вставай,
На работушку ступай...»* [Там же, с. 80–81].

Очевидно, что это и о подопечной, ее будущем, но более – о самой себе, о лишенной сна няньке. Как и в следующем тексте: «Я качаю день и ночь, / Отойди, бессонье, прочь, / Отойди да отвались, / В темном лесе заблудись...» [Нижегородская...]. Подобно заговору от болезней и несчастий, здесь применяется «отгонная» формула. Чьё бессонье пытается отогнать поющая – малыша или свое? На наш взгляд, и то и другое. Д.С. Лихачеву принадлежит известный афоризм о фольклорной лирической песне: «Певец поет о себе, слушатель слушает о себе», в колыбельной же певица-нянька поет о ребенке и одновременно о себе. Тем более, если она и сама еще ребенок. «Бессонье» здесь – изнуряющее отсутствие возможности сна, как в случае чеховской Варьки.

И, конечно, это **мотивы так называемых «смертных» колыбельных**. Это маргинальная, уже давно не бытующая, так как встречающая только недоумение современных людей группа текстов, в которых изображаются, как нечто само собой разумеющееся, скорая смерть ребенка, его похороны и поминки, погребальные заботы родни. Встречается в них и **формула пожелания скорой смерти младенцу**:

*Бай, бай да люли,
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.
Завтра мороз,
Свезут на погост. <...>
Мы поплачем, повоем,
В могилу зароем* [Мудрость народная..., 1991, с. 69].

*Спит-ко, маленько дитя,
К тебе ангелы летя,
Летя ангелы с небес,
Вынуть душеньку с телес.
Мы не станем норовить,
Станем Маню хоронить...* [Лойтер, 2013, с. 110–111].

О такой страшной, трагической перспективе для ребенка и всей его семьи в «смертных» колыбельных говорится на удивление ласково, заботливо. Поющие даже выпрашивают для него «местечка» в раю:

*Баю, баюшки, баю,
Нет ли местечка в раю? <...>
Хоть на самом на краю?
Бай, бай, бай, бай!
Хоть на самом-то на краюшке
Я Ванюшку схороню...* [Новгородская..., 2006, с. 90].

*Бай-бай, бай-бай,
А помрёшь – прямо в рай,
А в раю больших не любят,
Там всё маленькие [там же].*

Здесь отражено древнее поверье, что умерший крещеный младенец еще безгрешен и попадает сразу в рай.

Как могли появиться такого рода песни, как ими могли усыплять? Это до сих пор дискуссионная проблема, и в нашей статье нет возможности всесторонне ее раскрыть. Полнее всех ее раскрывали, обобщив точки зрения предшественников и выразив свою, А.Н. Мартынова еще в советское время в концептуальной статье [Мартынова, 1975] и в начале нашего века В.В. Головин в докторской диссертации и монографии [Головин, 2000]. Однако споры еще не утихают. Нам вслед за В.И. Ереминой, В.В. Головиным, С.М. Лойтер представляется убедительной «ритуально-магическая» гипотеза об охранительной (или превентивной) цели таких текстов, использующих обманный призыв смерти. Ритуальная смерть как бы «страхует» смерть реальную – несвоевременную, детскую смерть. По этой же магической логике невеста причитает, как бы проживая в обряде негативный «сценарий», чтобы не пойти по нему в реальной жизни.

О такого рода магических народных поверьях А.П. Чехов знал – он записал в автобиографических заметках: *«Фамилия “Чехов” не связана с чехами как славянской нацией. Чохами, или чехами, на Руси охранительно называли здоровых малышей, чтобы уберечь их от чихания и болезней»* [Антон Чехов, 2017, с. 4]. То есть «чех» – часто чихающий младенец. От подобных прозваний образованы и фамилии Некрасов (якобы некрасивый), Нежданов (якобы нежеланный ребенок) и т. п.

Однако есть логическая нестыковка: чтобы смерть отступилась, надо показать (хотя бы вербально), что младенец уже умер, во всех же песенках о смерти говорится в будущем времени или сослагательном наклонении. Возможно, отгадка кроется в том, что **самый сон в народе, ассоциируя с маленькой (временной) смертью, выдавали за нее, подменяли ее сном**. Б.А. Успенский определил ассоциацию сна и смерти как универсальное явление, отражающееся и в языке (успение – засыпание) [Успенский, 1996, с. 23]. Пробуждение же от сна уподобляли воскресению и обновлению. Есть поверья, что во время сна душа отлетает от тела, путешествует, младенцы видят во сне райские кущи – прекрасные места, откуда они пришли в этот мир и куда могут снова вернуться.

В рассказе Чехова от первого и до последнего слова сон и смерть идут близко, рука об руку. Темнота или полумрак, образа, лампадка, тени – интерьер избы как при покойнике. Портрет измученной хронической бессонницей Варьки напоминает описание мертвеца: *«Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело»* [Чехов, 1962, с. 10]. Стоит вспомнить для сравнения народную загадку о покойнике – налицо почти точное совпадение: *«не дышит, не дышит, в сухом дереве лежит»; «не пыхнет, не дыхнет, не ворохнет», «не пищит, не визжит,*

не шевельнется», по вариантам о покойнике в гробу говорится: «сухо дерево несут» (подробнее см.: [Райкова, 2021, с. 32–33]). «Если Варька, не дай бог, уснет, то хозяйева прибьют ее» [Чехов, 1962, с. 11]. Слова *прибить*, *пришибить* в народе могли означать как «сильно побить», так и «убить». Варька, засыпая ненадолго, видит 2 сна: один символически связан со смертью (дорога, грязь, лес, туман, кричащие вороны, снующие тени, хмурые люди, падающие в грязь, засыпающие) [там же, с. 11], второй подробно воспроизводит ее тяжелый детский опыт – болезнь и смерть отца [там же, с. 11–13]. В то же время попытки усыпить ребенка и не заснуть самой, как мы уже говорили, лейтмотив рассказа. В последней фразе сон и смерть уже совершенно смыкаются: «Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...» [Чехов, 1962, с. 15].

Среди колыбельных песен есть тексты, в которых налицо **тонкая грань между сном и смертью как непробудным сном**, формула свернута, и неясно, то ли имеется в виду долгий крепкий сон, то ли сон вечный: «Спи-ка, Оля, без пробуду...» [Лойтер, 2013, с. 88]; «Закрой, Таня, глазки / До самой до Пасхи» [там же, с. 52]; «Сделай матери опростку, Себе вечный угомон» [там же, с. 112]. Один шаг – и эту грань можно перейти, и рождается вариант, где однозначно поется о смерти: «Себе вечный упокой, / Умирай, Господь с тобой!» [там же, с. 112]. Один шаг в полусне и помутненном состоянии рассудка к колыбели – и Варя тоже переходит эту грань. Если в «смертных» колыбельных смерть как бы подменяли сном (ср.: в сказке о спящей красавице добрая фея успела подправить заклятье феи злой: «...будет то не смерть, а сон...»), то няня у Чехова няня сделала наоборот: **подменила сон младенца его смертью, такую невероятно высокую цену назначив за возможность крепко поспать.**

Была среди гипотез о появлении «смертных» колыбельных и реалистическая – об их зарождении именно в среде нянь, которые находили таким образом отдушину, выражая свои тайные желания избавиться от надоевшего орущего чужого малыша. Этой версии противоречит ласковое, бережное отношение к ребенку, выраженное в песнях, обилие диминутивов: *земелька, песочек, уголок, саванок, гробок, медок, поплачем, местечко в раю* и т.п. Однако нельзя не признать, что рассказ Чехова – весомый аргумент в пользу этой версии. Например, могла реализоваться такая упрощенная схема: возникли «смертные» колыбельные как ритуально-магический акт обмана смерти, а распространяться стали, активно поддерживаясь в среде наемных нянь, отвечая их тайным душеным запросам.

Е.А. Самоделова, тоже обращаясь на рязанском материале к феномену «смертных» колыбельных, справедливо рассуждает, что психику младенца они не затрагивали, так как он не понимал их содержания (как, впрочем, и любых других), а далее делает вывод, что их могли услышать и «принять к сведению» старшие братья и сестры, убеждаясь, что надо хорошо себя вести [Самоделова, 2019, т. 1, с. 262]. На наш взгляд, такой воспитательный эффект нельзя исключать, однако даже о косвенной адресованности старшим детям с назидательной целью вряд ли приходится говорить: ни намек на нее в песнях нет, а вот девочки-няни понять и принять их могли.

Кроме того, нам представляется, что к описаниям похорон и поминок плавно логико-поэтически подводят **угрозы взрослых, адресованные ребенку**. О запугивании как народно-педагогическом приеме воспитания послушного ребенка пишет Е.А. Самоделова [там же, т. 2, с. 111]. Исследователь анализирует типы запугивания, персонажей-«пугателей» в речевых формулах взрослых, используемых при общении с детьми. Мы же вернемся к колыбельным. В них наиболее частотны угрозы наказать, побить младенца за то, что не спит. Конечно, в жизни телесные наказания применяли к более старшим детям, но такое желание пестуны выражалось: «*Колотушек надаю, / Колотушек двадцать пять, / Буде Гриша крепко спать*» [Лойтер, 2013, с. 103]. Однако есть и **смертельные угрозы**: «*А не будешь спать ты в зыбке – / Бросим Катю в море к рыбке. / Кушай, рыбка, Катеньку, / Непослушную*» (зап. от жен., 1918 г.р., г. Москва) [ПМР].

Угроза «скормить» животному воспринимается как фантастичная, то же можно сказать и о пресловутом сереньком волчке, который ухватит ребенка за бочок, однако топография места, куда он утащит, нешуточная: по вариантам «*под ракитовый кусток*», «*зароет во песок*», т. е., по сути дела, убьет и похоронит. Маленький шажок остается для перехода к формуле «смертных» колыбельных: «*мы поплачем, повоем, в земельку зароем*». В более редких вариантах песни запугивание умножено, хотя и остается условным – младенец якобы рискует быть съеденным разными животными: «*Уж ты, Варенька-другок, / Не ходи-ка на лужок, / Тебя мышка съест, / Или ящерка, / Или серенький волчок / Из-под кустичка – / Вместо мушничка,⁴ / Вместо горохового* [Мудрость народная..., 1991, с. 74].

Интересно, что традиция, как часто бывает, со временем стала отрицать и высмеивать самоё себя: в 1970–1980-х годах в подростковой среде бытовала «садистская» пародия на колыбельную песню о сером волчке. В пародийном варианте опасности, грозящие младенцу со стороны животных, подросшие дети (чаще мальчишки) гиперболизируют, доводят до абсурда, смакуя натуралистические детали, бесконечно наращивая текст:

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Придёт серенький волчок
И ухватит за бочок,
А потом придёт медведь
И откусит ножки треть.
Зайка высосет глаза,
Ушки скушает лиса.
Печень слопают барсук... (зап. от муж., 1976 г.р., г. Москва) [ПМР].*

Любопытный текст записан С.М. Лойтер в Карелии. Нянька грозит скупой хозяйке, как в колядке: «*Мне за каченья – сорочку, / Мне за каченья – пирог, / Не так – брошу на порог / И на веник в уголок*» [Лойтер, 2013, с. 88]. Жертвой рискует стать младенец: нянька сметет его веником в угол, как что-то ненужное. Неслучайно здесь фигурирует порог – сакральный лиминальный локус в

крестьянской избе, так что жест бросания «на порог» не такой безобидно-игровой, как кажется из-за легковесности стиха.

Заключение

Итак, на наш взгляд, сам рассказ Чехова – художественная имитация неудачной колыбельной песни, своего рода «антиколыбельная». Няня пытается усыпить ребенка, а усыпляет только себя, а спать ей не полагается – хозяева прибьют. А спать хочется... Замкнутый круг. Песню нельзя закончить – только прервать за ненадобностью. А с ней прерываются и жизнь невинного младенца, и детство (а то и жизнь) 13-летней няни.

Примечания

¹ *Зевластая* (от «зевать») – крикливая (местн.).

² *Катать* – здесь качать (в колыбели) (местн.).

³ Видимо, имеется в виду: за другой работой.

⁴ *Мушничек, мушник* – ржаной или пшеничный пирог с гороховой начинкой [Мудрость народная..., 1991, с. 582]. Ср.: и младенец, и покойник как лиминальные существа, уже подготовленные к новой жизни, новому статусу, в фольклорной загадке уподоблялись пирожку, подробнее см.: [Райкова, 2021, с. 29–31].

Список источников

Антон Чехов / сост. М.А. Сычева. Ростов-н/Д: Феникс, 2017. 90 с. – (Так говорили великие).

Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Аво, 2000. 451 с.

Дворяшина Н.А. Детство как духовно-нравственная ценность в русской литературе XX в.: монография. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2018. 250 с.

Кузичева А.П. Чехов о себе и современники о Чехове (Легко ли быть биографом Чехова?) // Чеховиана. Чехов и его окружение. М.: Наука, 1996. С. 15–31.

Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека»: 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 847 с.: ил. – (ЖЗЛ: серия биогр.; вып. 1360).

Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 256 с.

Ларионова М.Ч. Антисказка А.П. Чехова «Три сестры» // Традиционная культура. 2006. С. 77–84.

Лойтер С.М. Детский поэтический фольклор Карелии: исследование и тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 439 с.

Мартинова А.Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Т. XV. Социальный протест в народной поэзии. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1975. С. 145–155.

Медриш Д.Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А.П. Чехова // Русский фольклор. Т. XVIII. Славянские литературы и фольклор. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. С. 73–95.

Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. 296 с.

Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1: Младенчество; Детство / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.П. Аникина. М.: Худож. лит., 1991. 589 с., ил.

- Полевые материалы И.Н. Райковой.
 Полевые материалы А.Д. Цветковой.
 Райкова И.Н. Воспоминания о детстве в контексте традиционной культуры (по полевым материалам Муромского края) // Традиционная культура. 2006. № 3. С. 74-83.
- Райкова И.Н. Живое и мертвое, человек, природа и вещный мир в танатологических образах загадки // История и современность филологических наук: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XVI Виноградовские чтения: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. И.Н. Райкова. М.: МГПУ; Книгодел, 2021. С. 24–34.
- Самодолова Е.А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии: в 2 т. Рязань, 2019. (Рязанский этнографический вестн. № 61).
- Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. / сост. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 479 с.
- Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 610 с.
- Фольклорный архив Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/folklore/frkol.htm> (дата обращения 10.09.2022)
- Чехов А.П. Спать хочется // Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. / под общ. ред. В.В. Ермилова, К.Д. Муратовой и др. Т. 6: Повести и рассказы. 1888–1891. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. С. 10–15.

References

- Anton Chekhov (2017). Comp. M.A. Sychev. Rostov-on-Don: Phoenix, 90 p. (Thus said the great ones). (In Russian).
- Chekhov A.P. I want to sleep (1962). *Chekhov A.P. Collected works*: In 12 vol. Under the general. ed. V.V. Ermilov, K.D. Muratova and others. Vol. 6. Novels and stories. 1888–1891. М.: State Publishing House of Artists. lit., pp. 10-15. (In Russian).
- Dvoryashina N.A. (2018). *Childhood as a Spiritual and Moral Value in Russian Literature of the 20th Century: Monograph*. Surgut: Surgut state pedagogical university, 250 p. (In Russian).
- Field materials of I.N. Raikova. (In Russian).
- Field materials of A.D. Tsvetkova. (In Russian).
- Folklore archive of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky*. Available at: <http://www.unn.ru/folklore/frkol.htm> (accessed 10.09.2022)
- Golovin V.V. (2000). *Russian lullaby in folklore and literature*. Turku: Abo, 451 p. (In Russian).
- Kuzicheva A.P. (1996). Chekhov about himself and contemporaries about Chekhov (Is it easy to be a biographer of Chekhov?). *Chekhoviana. Chekhov and his entourage*. Moscow, Nauka, pp. 15-31. (In Russian).
- Kuzicheva A.P. (2012). *Chekhov. The life of an individual*. 2nd ed. Moscow, Molodaya Guardiia, 847 p.: ill. – (Life of wonderful people: a series of biographies; issue 1360). (In Russian).
- Larionova M.Ch. (2006). *Myth, fairy tale and ritual in Russian literature of the 19th century*. Rostov-on-Don, 256 p. (In Russian).
- Larionova M.Ch. (2006). Anti-fairy tale “Three sisters” by A.P. Chekhov. *Traditional culture*. 2006, pp. 77-84. (In Russian).
- Loiter S.M. (2013). *Children's poetic folklore of Karelia: research and texts*. Petrozavodsk, 439 p. (In Russian).

Martynova A.N. (1975). Reflection of reality in a peasant lullaby. *Russian folklore. T. XV. Social protest in folk poetry*. Leningrad, Nauka, pp. 145-155. (In Russian).

Medrish D.N. (1978) The plot situation in Russian folk lyrics and in the works of A.P. Chekhov. *Russian folklore. T. XVIII. Slavic literature and folklore*. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 73-95. (In Russian).

Medrish D.N. (1980). *Literature and folklore tradition. questions of poetics*. Saratov, 296 p. (In Russian).

Raikova I.N. (2006). Memories of childhood in the context of traditional culture (based on field materials from the Murom region). *Traditional Culture*, no. 3, pp. 74-83. (In Russian).

Raikova I.N. (2021). Living and dead, man, nature and the world of things in thanatological images of a riddle. *History and modernity of philological sciences: Materials of International scientific conf. XVI Vinogradov Readings: In 2 vols. Vol. 2*. Ed. ed. I.N. Raikova. Moscow, pp. 24-34. (In Russian).

Samodelova E.A. (2019). *The image of a child and mother in Ryazan folklore and ethnography: In 2 vol. Ryazan. (Ryazan ethnographic bulletin. No. 61)*. (In Russian).

The wisdom of the people. Human life in Russian folklore. (1991). Issue. 1. Infancy; Childhood. Compiled, prepared. texts, intro. Art. and comment. V.P. Anikin. Moscow, 589 p., ill. (In Russian).

Traditional folklore of the Novgorod region. Proverbs and sayings. Puzzles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology (2006). Recorded 1963–2002. Comp. M.N. Vlasova, V.I. Zhekulina. St. Petersburg, Трoпа Тройана, 479 p. (In Russian).

Uspensky B.A. (1996). *Selected works. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture*. Moscow, School "Languages of Russian Culture", 610 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Райкова Ирина Николаевна – канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, научный редактор научного альманаха «Традиционная культура», nikolavna@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-9064-3565

Information about the Author

Irina N. Raikova – Ph.D. of Philology, associate professor, professor of the Department of Russian Literature at the Institute of Humanities of Moscow City University, scientific editor of the scientific almanac "Traditional Culture"; nikolavna@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-9064-3565

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 20.01.2023.